

Глава 5

Горшочек очнулся на тёплом кане, укрытый маленьким стёганым одеяльцем в заплатках. Перевернувшись со спины на живот, малыш неуклюже приподнялся и принялся оглядывать незнакомую комнату затуманенным от слёз взглядом.

— Ох, сынок, неужто проснулся?

Ван Чжуанцзы и Чжэн-ши вошли в комнату, отодвинув тяжёлый дверной полог. Женщина поставила перед ребёнком миску с жидкой похлёбкой из капусты и кусок лепёшки из грубого зерна.

— Ну же, малыш, ты, небось, проголодался? — ласково проворковала она. — Ешь скорее.

Мальчик сглотнул слюну, глядя на еду, но подойти не решился. Он лишь сильнее вжал голову в плечи и спрятал покрасневшие, обветренные ручонки за спину.

— Не бойся, с этого дня здесь твой дом. Я твой отец, а это твоя мать.

Ван Чжуанцзы, спрятав руки в рукава, добродушно ухмыльнулся и многозначительно взглянул на жену:

— Видать, в семействе Вэй мальчика запугали до смерти. Пойдём, пусть поест один, не будем смущать.

Стоило им выйти, как взгляд маленького пленника снова прикипел к миске, а в животе громко заурчало.

— Братик... — прошептал он, вытирая слёзы рукавом. — Горшочек хочет кушать.

Приоткрыв край полога, Ван Чжуанцзы подсмотрел за ребёнком и, отступив на шаг, прошептал поджидавшей рядом супруге:

— Похлёбку выпил, а лепёшку спрятал.

Чжэн-ши тут же помрачнела. Она велела своим детям, которые уже закончили завтракать, идти играть в комнату к приёмышу.

— В доме лишнего зерна нет, чтобы он его прятал да копил. Гляди, какой мал, да удал — хитрит! Небось, для того Чэна лепёшку припрятал!

Хозяйка злобно прикусила губу:

— Когда мы уже его продадим?!

— Пару дней покормим, чтобы не сдох, а как шумиха уляжется — и зерна давать не будем. Всё равно в попрошайки пойдёт, чем костлявее да желтее лицом будет, тем дороже купят.

Глаза Ван Чжуанцзы лихорадочно блестели:

— Сейчас продавать опасно, на виду у всех. Подождём до праздника Лаба, когда все за покупками к Новому году поедут. Отправлюсь в город якобы за товаром, возьму его с собой и там сбуду. А ты с детьми разыграешь спектакль: мол, в толчее на ярмарке мальчонка потерялся, а я его там до сих пор ищу.

Чжэн-ши так и расцвела:

— И сколько за него дадут? Окупит он хоть то зерно, что за эти полмесяца проест?

— Зерно? Хех! Мальчишка хоть и грязный, да лицом вышел — кругленький, складный. Меньше чем за пять лянов серебра я его не отдам!

— Пять лянов! — ахнула женщина, не в силах сдержать радостной улыбки.

В комнате малыш, крепко прижимая к груди кусок лепёшки и свой маленький глиняный горшочек, забился в самый угол.

Восьмилетняя Сестрица Пин и шестилетний Братец Ань играли на краю кана в верёвочку. Девочка обернулась к Горшочку:

— Хочешь с нами?

Мальчик лишь молча покачал головой. Детям быстро надоело играть друг с другом, и они с любопытством обступили его.

— Зачем ты за этот горшок держишься? Дай мне, я хочу поиграть! — Братец Ань потянулся было к вещице, но Сестрица Пин шлепнула его по руке.

— Нельзя отнимать чужое.

Горшочек ещё сильнее вцепился в свою сокровищницу.

— А чего ты в нашем доме делаешь? — надувшись, спросил Братец Ань.

Девочка взглянула на брата:

— Он теперь наш. Разве не слышал, как папа с мамой сказали, что он наш младший брат?

Мальчик кивнул и с силой толкнул Горшочка в лоб:

— Раз так, зови меня старшим братом!

Малыш поднял на него глаза, и они снова наполнились слезами:

— Не буду... У меня есть... братик.

— И где же он?

Горшочек опустил голову и замолчал.

Дом Ванов был тесным и ветхим. По сути, в нём было всего две жилые комнаты: в одной, поменьше, ютилась парализованная старуха-мать, а в другой, на большом кане, спало всё семейство. Позади дома была узкая каморка, где хранили остатки риса, капусту и картофель на зиму.

Вечером, когда пришло время ложиться, Чжэн-ши даже не взглянула на Горшочка — видать, притворяться доброй ей уже надоело. Она просто велела ему спать на самом краю кана, не заботясь о том, есть ли у него тёплое одеяло.

Когда в хижине раздался громopodobный храп супругов, Горшочек повернулся к стене. Его глаза были полны слёз. Свернувшись калачиком и обнимая свой глиняный горшочек, он думал о том, что лучше бы он спал с братиком на жёстких, холодных досках, чем здесь, в тепле.

«Братик ранен... Сильно ли у него всё болит?»

Горшочек очень тосковал по брату.

В доме семьи Вэй.

Свечи давно погасли, но из комнаты третьей ветви то и дело доносились стоны и оханья. Лю-

ши втирала лечебное масло в поясницу Вэй Саньняня и ворчала:

— Как тебя угораздило спину-то сорвать? Говорила же — не ходи в горы, теперь вот лежи! Скоро Новый год, а от тебя на версту лекарствами несёт. Тьфу, сплошная напасть!

— Заткнись! Для кого я в лес попёрся? Для тебя, дуры! Не ты ли мне все уши прожужжала, что хочешь такой же серебряный браслет, как у второй невестки? Вот я и пошёл!

Вэй Саньняню было стыдно признаться, что он надорвался, когда пытался избить Вэй Чэна. Словно сглазил его кто! Вот и пришлось врать, будто в лесу, охотясь за драгоценными лягушками, он сорвался, удирая от волков.

— На словах-то ты мастер, — огрызнулась Лю-ши. — Для меня он пошёл... Знаем мы, на какую «сивуху» ты те деньги спустить хотел!

Она недовольно хмыкнула:

— Вы с деверем только о своих шкурах и думали, когда из леса бежали. Все ловушки да снасти в горах бросили! Был бы жив Вэй Даньен, он бы такого никогда не допустил. А если б и забыл, так вернулся бы и нашёл. А теперь что? Столько меди псу под хвост!

Той ночью в горах было много народу. Кое-кто из жадных крестьян замешкался, а когда спохватился — было уже поздно: волки окружили их и едва не загрызли. Хоть они и выжили, но страху натерпелись на всю жизнь. Теперь никто и близко не смел подойти к тем склонам — даже старик Мэн, самый опытный охотник в деревне, обходил их стороной.

Вэй Саньнянь болезненно поморщился:

— Сколько лет прошло, как старший помер, а ты всё его поминаешь! Никуда вещи не денутся! Вот спина пройдёт, сам пойду и всё заберу!

Лю-ши лишь презрительно скривилась.

«Сам пойдёт... Смельчак выискался!»

Вэй Чэн пришёл в себя лишь на третий день.

Всё тело нестерпимо ныло, во рту пересохло. Он попытался приподняться на локтях, и Мофулан, толкший в ступке травы, тут же подскочил, чтобы помочь ему.

— Ци-гэ! Чэн проснулся!

— Проснулся? Вот и славно, — отозвался лекарь Ци.

Он положил несколько свёртков с травами на лавку и первым делом осмотрел лицо юноши, а затем проверил пульс.

— Пульс слабый, крови мало, да и внутри всё неладно, — вздохнул он. — Напугал ты нас, малый. Долго в беспамятстве лежал. Теперь тебе покой нужен, выхаживать тебя надо.

Лоб Вэй Чэна был забинтован, под глазами залегли тяжёлые тени, а губы совсем побелели. Он вцепился в рукав лекаря и, пытаясь заговорить, зашёлся в мучительном кашле:

— Дя-дядюшка Ци... Горшочек... Где Горшочек?..

— Не волнуйся ты так, — мягко произнёс Мо-фулан. — Ты про того малыша, которого спас?

Глаза юноши покраснели:

— Да... Да... Он жив? Вэй Саньнянь его не... — он не посмел договорить «убил».

— Жив он, жив! Староста всё решил — мальчика отдали на воспитание Ван Чжуанцзы. Семья у него хоть и небогатая, зато сами они люди тихие, ни с кем в деревне не враждуют. Слыхал я, вчера Чжэн-ши водила мальчонку вместе со своими детьми к старику Ли за соевым творогом. Так что душа за него может быть спокойна.

— Вот и хорошо, — выдохнул Вэй Чэн, и в его голосе слышались слёзы. — Слава богу.

Он попытался спустить дрожащие ноги с кровати:

— Я должен его повидать.

Мо-фулан замахал руками:

— Куда ты собрался? Раны ещё не затянулись! Ступай лучше в дом Вэй, полежи там, а уж потом наведишь. Деревня у нас маленькая, никуда он не денется.

— Я должен увидеть его. И чтобы он увидел меня, — тихо проговорил Вэй Чэн. — Он видел, как меня избивали... Так плакал, бедный. Наверняка до сих пор до смерти напуган и за меня боится.

Мо-фулан хотел было сказать, что четырёхлетний ребёнок мало что смыслит в заботах: в таком возрасте, кто накормил — тот и мать. Наверняка он в семье Ван уже и думать забыл про своего спасителя.

Мальчик с трудом натянул туфли и замялся:

— Дядюшка Ци, я... те деньги за лечение и лекарства... я позже...

— Всё уже уплачено.

Мо-фулан в красках расписал, как староста вытряс деньги из семейства Вэй. В конце он многозначительно глянул на мужа. Лекарь Ци всё понял без слов. Он отвязал от пояса старый кошель и вместе с лекарствами вложил его в руки Вэй Чэна:

— Вот, здесь твои снадобья, принимай вовремя. А в кошеле двадцать медяков — то, что от лечения осталось. Возьми себе, купи тайком хоть полцзиня мяса, силы подкрепить надо.

Юноша принял свёртки. Он прекрасно понимал, что семейство Вэй — сущие скряги, из них и лишнего гроша не вытянешь. Наверняка эти деньги были подарком от добрых лекарей.

— Спасибо вам, дядюшка Ци, дядюшка Мо. Вэй Чэн этого не забудет, — он низко поклонился и вышел.

Провожая взглядом его худую спину, Мо-фулан снова вздохнул:

— Говорят, дети бедняков рано взрослеют. А сироты — и подавно. Посмотри на него: разве дашь ему восемь лет? Чистый старик.

Лекарь Ци принялся поправлять постель для новых больных:

— В Чэне есть стержень, да и сердце у него золотое. Не чета он тем Вэям. Если выдюжит сейчас, то в будущем его ждёт большая судьба. А мы... чем можем, поможем.

— И то правда, — кивнул Мо-фулан.

Выйдя от лекаря, Вэй Чэн напрямик направился к дому Ванов. Он постучал в деревянные ворота, но ответа не последовало. В такой мороз в поле делать нечего, и обычно все жители деревни Маоси сидели по домам.

Он прочистил горло и крикнул:

— Дядюшка Чжуанцзы! Дядюшка Чжуанцзы, вы дома?!

Голос его после болезни был слабым и хриплым. Спустя долгое время ворота приоткрылись, и в щели показался хозяин дома. С притворным добродушием он произнёс:

— А, Чэн! Ты чего здесь? Поправился уже?

— Поправился, дядюшка. Я пришёл Горшочка повидать...

— Эх, не вовремя ты, — вздохнул Ван. — Спит малец. Мать его только-только накормила да уложила. Ты бы в другой день зашёл, а?

Вэй Чэн поник:

— Жаль... Тогда передайте ему, как проснётся, что я приходил. Завтра загляну.

Ван Чжуанцзы забегал глазами:

— И завтра не выйдет. Завтра мать его к своим родственникам поведёт, показать хочет... Сами понимаете, дело такое...

— Тогда я приду послезавтра, — не сдавался юноша.

Улыбка едва не сползла с лица мужчины.

«Ну и прилипчивый щенок! — Ван Чжуанцзы с руганью вернулся в дом. — И чего тот Саньнянь его до смерти не забил?!»

Чжэн-ши тут же подскочила к нему, вся бледная от волнения:

— Что там? Тот Чэн пришёл мальчишку забирать?

Последние два дня она жила как на иголках — то радовалась будущему богатству, то дрожала от страха, что их чёрный замысел раскроют.

— Нельзя больше тянуть, — мрачно бросил муж. — Как только наступит двенадцатый месяц, надо сразу его сплавить.

Женщина прижала руку к груди. До начала месяца оставалось всего пара дней.

— Папа, мама... он меня толкнул... — в комнату вбежал Братец Ань и вцепился в юбку матери.
— А Сестрица Пин за него заступается!

Они не слышали, как Вэй Чэн звал их с улицы, зато Горшочек услышал. Он рванулся было к дверям, крича: «Братик!», но Чжэн-ши ловко схватила его за ухо и заперла в тесной каморке, а заодно прикрикнула на своих детей.

— Это Ань хотел отнять у него горшок! У Аня есть свои игрушки, а он всё равно лезет! — возмутилась Сестрица Пин.

Мать схватила дочь за руку и пару раз шлёпнула по заду:

— Совсем голову потеряла?! Сколько раз говорить — какой он тебе брат? У тебя только Ань брат, и больше никто!

Сестрица Пин обиженно разрыдалась. А Братец Ань не унимался:

— Мама, хочу горшок! Дай мне горшок!

Хозяйка совсем извелась. Она уже осматривала ту вещицу — обычная глиняная плошка, дешёвка, и чего этот малец в неё так вцепился? И спит с ней, и ест с ней... А сыну приспичило, хоть плачь. Она попыталась вырвать сокровище из рук Горшочка, но тот увернулся. Разъярённая, она снова бросилась на него, и тут малыш, оскалив зубки, вцепился ей в руку.

— А-а-а! — взвизгнула Чжэн-ши, глядя на проступившую кровь. — Ах ты, зверёныш! Кусаться вздумал?!

Она с силой ущипнула его за щёку, а потом — за руку. Ван Чжуанцзы поспешно оттащил её:

— Не смей его калечить! Синяки будут — цену собьёшь...

Горшочек вырвался и забился в угол. Щёку и руку жгло огнём. Глотая слёзы, он тихо шептал:

— Плохие... плохие люди...

Они не пускали его к братику и щипали до боли.

— Это я плохая?! Кто тебя эти дни поил-кормил, неблагодарный?! — Чжэн-ши вывела своих детей из каморки, бросив напоследок: — Сегодня и крошки не получишь! Пусть голодает!

По правде сказать, досыта его накормили только в первый день. Заметив, что мальчик прячет

хлеб, женщина в наказание давала ему лишь крохотный кусочек лепёшки раз в день, а сегодня и вовсе решила ничего не давать. От одного дня голода не помрёт, зато семье экономия.

Ван Чжуанцзы не проронил ни слова и на глазах у ребёнка запер дверь в каморку. Внутри было холодно и темно. Горшочек свернулся в клубочек у стены и замер. Ему здесь совсем не нравилось. Он хотел к братику. Но к братику нельзя — братика побьют.

Снаружи доносился весёлый смех Братца Аня, звон посуды и громкое чавканье Ван Чжуанцзы... Малыш вытер слёзы кулачком. Он шмыгнул носом: когда спишь — есть не хочется. И еду этих людей он больше в рот не возьмёт. Завтра он заберёт свой горшочек и сбежит отсюда тайком.

Ночью Горшочек проснулся от холода. Он медленно моргнул, услышав странные звуки — натужные стоны и какой-то плеск. Чжэн-ши вползла в комнату, обливаясь холодным потом. Она одной рукой держалась за раздираемый болью живот, а другой зажимала рот, стараясь сдержать рвоту:

— Чжуанцзы... позови... позови лекаря... кажется, я умираю...

Не успела она договорить, как кишечник скрутило новой судорой. Впрочем, мужу было не лучше. Он уже раз десять бегал к отхожему месту, его лицо позеленело, а силы совсем иссякли.

Братцу Аню повезло чуть больше — его просто рвало, и лоб горел в лихорадке. Из всей семьи только Сестрица Пин, бегавшая туда-сюда с тазами, осталась невредимой. Даже в таком состоянии Ван Чжуанцзы не забыл отдать дочери ключи, чтобы она выпустила Горшочка — так сильно он боялся, что их тайну раскроют.

Девочка отперла замок:

— Малыш? Малыш, выходи скорее.

Горшочек зажал нос и покачал головой:

— Воняет.

Казалось, весь дом Ванов, кроме этой девочки да старухи в соседней комнате, пропитался нестерпимым духом отхожего места. Шум вскоре привлёк соседей. Но стоило отзывчивым крестьянам переступить порог, как они едва не повалились с ног от чудовищного зловония.

Что это? Неужто вся семья наелась слабительного или же это небо покарало их за какие-то грехи? Откуда столько смрада?

<http://bllate.org/book/15346/1372665>